

иначе говоря, тотальности забвения противостоит скопление отрезков, формулировок и цитат, «извлеченных» из культурного наследия. У потенциального реципиента возникает уникальная ситуация совмещения двух совершенно различных начал: культурное прошлое не может стать реальным настоящим, можно предположить, что только литературный вымысел «предлагает» подлинную со-временность. Виртуальное обладание прошлым в собственном настоящем вносит большой вклад в становление человеческого сообщества. Открывающиеся возможности организуют предел между тем, что было, и неизмеримостью будущего.

Акцентируем: необходимость превышать (создавать избыток видения) собственный горизонт иного, дает начало диалогу с текстом, который отвечает вновь, если он будет снова спрошен.

В качестве предварительных итогов по поводу вышеизложенного обратим внимание, что произведение искусства обнаруживает не монологический трансцендентальный смысл, в котором воля художника была бы сохранена как понимание зрителя-наблюдателя, но то, что между стремлениями автора, завершённым текстом и его значением для интерпретатора возникает двойное зияние, позволяющее конституированию этого смысла стать незавершённым процессом между производством и восприятием данного творения.

Разговор с текстом метафоричен, инициирован репликами иного, находящегося в нем. Чтобы быть вопросом-во-мне, он должен получить адекватную конкретизацию, ведущую, с одной стороны, к реконструкции имманентного горизонта ожидания, приписываемого произведению, с другой – перестраиванию общественного опыта, привносимого читателем из своего исторического жизненного мира.

«Диалог – готовность познавать и признавать другого в его другости, тем более, когда другой представлен текстом, не говорящим с ним непосредственно» [4, с. 98] – в этом и других положениях рецептивной эстетики явственно, с нашей точки зрения, прослеживаются оригинальные идеи русского культуролога М. М. Бахтина. Речь идет не о заимствовании, но о «параллельных» открытиях, предугаданных отечественным мыслителем почти на полвека ранее своих немецких коллег. Книги «Поэтика творчества Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», особенно работа «Автор и герой в эстетической деятельности» [1], стали на сегодняшний день классикой, не вызывающей сомнений, но, к сожалению, еще недооцененной в полной мере. Его наследие – не литературоведческие труды, а разработки, связанные с эстетическими ценностями, сложная строгая концепция диалога, карнавальная культура, ответственности, внеаходимости и т. д., нашедшими свое отображение и в рассматриваемом нами течении культурологической мысли. Впрочем, Х.-Р. Яусс не отрицает близости взглядов М. М. Бахтина своим эстетическим воззрениям, более того предполагает дальнейшее плодотворное развитие замыслов русского ученого [4, с. 103-106].

Краткие выводы: эстетическому предмету свойственно то, что он одновременно и открывает и сохраняет «исторического» другого, когда позволяет изобразить не только субъективное восприятие мира, но делает его понятным в игровом пространстве искусства как понимание самого себя в чувственно-эмпирическом познании совершенно иного. Временное дистанцирование текста «ищется» и признается до горизонта собственного ожидания, где происходит коррекция, а также расширение, вследствие опыта исторического иного.

Незаменимым оказался и акт самоотчуждения, разлагаемый на двойное разнонаправленное движение: перемещение «вне», которое позволяет воспринимающему, «видеть» и «узнавать» себя в принципиально другом и обратное действие, направленное на него самого, чтобы испытываемая идентификация или «внеаходимость» посредством дистанции могла стать продуктивным и присвоенным рецептивным эстетическим опытом.

Продолжающийся диалог с искусством прошлого, ищущий истину в ответной речи, принципиально нескончаем – эта простая и гениальная мысль М. М. Бахтина находит свое подтверждение в новейших актуальных исследованиях нашего времени.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7-187.
2. Бочаров С. Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
3. Изер В. Что такое литературная антропология? Разница между объяснительным и исследующим видами вымысла // Логос. – 1999. – № 2. – С. 185-212.
4. Яусс Х.-Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 97-106.

Синичкин А.В.

В.И. Вернадский КАК ИСТОРИК НАУКИ (на примере анализа творчества И. Канта)

Цель статьи: обратиться к одной из сторон личности В. И. Вернадского, а именно к его мыслям историко-научного плана, позволившим установить органическую связь между различными областями деятельности учёного.

Задачи: проанализировать статью В. И. Вернадского «Кант и естествознание XVIII столетия», на этой основе раскрыть роль Вернадского не только как историка науки, но и как великого гуманиста, учёного, прокладывавшего новые пути в науке.

В социокультурном пространстве человеческой истории наиболее заметны личности, образ мышления которых значительно опережает своё время. Они, ранее других осознавшие тайны природы, общества, Вселенной, сталкивались с засильем традиционных взглядов. Выступая в роли первопроходцев, они оставались, как правило, в культурноисторическом вакууме. К числу таких людей мы относим великого учёного и

гуманиста В. И. Вернадского – Ломоносова XX века.

Еще в студенческие годы В. И. Вернадский размышляет над законами развития науки и интересуется историей научных знаний. Понимая развитие науки как части мирового культурного процесса, ученый исследует творческий потенциал человеческого разума (историю человеческой мысли) как двигатель и стержень этого процесса. Позднее, уже в «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии», В. И. Вернадский четко будет разделять научное творчество и научную работу [1]. Не оставляет учёный и область научного мировоззрения как креативного культурного пласта личности, из которого рождаются идеи и мысли. В. И. Вернадский заинтересовался персоналиями великих мыслителей прошлого, чтобы понять принципы идейности и историчности развития человеческой мысли. Мыслитель обозначил два пути, «два критерия оценки научной истины», позволяющих отличить преходящее от вечного: это путь «философской критики», который ученый связывает с теорией познания, и путь «исторической критики», связанный с историей науки. Признавая значимость каждого из этих направлений анализа, Вернадский обосновывает необходимость их сочетания, неразрывной связи: философский анализ дает возможность разобраться в противоречивых построениях теории познания только в случае применения исторического подхода.

В. И. Вернадский был одним из первых естествоиспытателей, уловивших органическую связь между историко-научными изысканиями и исследованиями в области эпистемологии. Историю науки он рассматривал как историю опыта познания. Современное развитие истории науки, утверждает Вернадский, «заставляет искать и видеть в ее прошлом» те идеи, о которых не могли знать прежние исследователи. Каждое научное поколение, считает мыслитель, должно «вновь научно перерабатывать историю науки», находя в ней отражение научных течений и достижений своего времени: «Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое». Истинная оценка достижений современной науки возможна только в сопоставлении с прошлым - именно такой подход позволит определить подлинную ценность достижений ученого.

В. И. Вернадский испытывал глубокую убежденность в существовании внутренней творческой взаимосвязи науки и философии как двух сторон одного и того же процесса: «Философия всегда заключает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области будущего развития науки», «будущего развития человечества» (Цит. по [8, с.87]). Задумывая книгу «Философские мысли натуралиста», В. И. Вернадский предполагал провести анализ отношения естественных наук и философии, выявляя отличия эмпирических идей и фактов от философских обобщений. Науку, философию и религию он рассматривал как тесно связанные области духовной культуры человечества. В статье «Научное мировоззрение и философия» ученый утверждал: «Особенно близки и тесны области философского мышления и научной мысли. Их взаимное влияние является одной из любопытнейших страниц истории человеческого сознания» [6, с. 295]. Исходя из этого положения, В. И. Вернадский пришел к выводу, что «... биохимия должна глубочайшим образом соприкасаться с науками не только о жизни, но и о человеке, с науками гуманитарными» [2, кн. 2, с. 286]. Этот синтез нашел воплощение в концепции ноосферы, сформулированной в статье «Несколько слов о ноосфере» и других работах.

Личность И. Канта, главным образом, его философские и естественнонаучные труды и воззрения, привлекают его внимание в конце XIX - начале XX вв. 28 декабря 1904 года он выступает с докладом на заседании Московского психологического общества, посвященном памяти Канта. В значительно расширенном и дополненном варианте доклад впервые был опубликован в журнале "Вопросы философии и психологии" (1905, № 76) под заглавием "Кант и естествознание XVIII столетия" и перепечатан затем в 1922 г. во 2-м выпуске "Очерков и речей". Иммануил Кант заинтересовал В. И. Вернадского как творческая личность в научнокультурной среде эпохи Просвещения.

В. И. Вернадского прежде всего привлекала личность Канта, «мысль и жизнь Канта», имеющие непосредственное отношение к выяснению «некоторых общих вопросов истории человеческой мысли». Как замечает В. И. Вернадский, Кант, живший и творивший «в течение многих лет, в тиши захудалого немецкого университета, на крайних границах Пруссии, вне центров научной жизни того времени», отличался необыкновенным многообразием проявления творческой личности, энциклопедическими знаниями, что нашло отражение не только в его преподавательской деятельности, но и «в его философских сочинениях» [2].

В. И. Вернадский отметил в личности Канта то, что было свойственно ему самому: новаторский дух, дерзновение научного поиска. Он считал, что в будущем пример Канта заставит «философскую мысль искать новых путей, как искал и нашел их Кант...»

Поэтому, утверждает В. И. Вернадский, «...несмотря на огромную литературу, посвященную Канту в течение столетия, всякий исследователь увидит в его научной деятельности новое и иное в зависимости от состояния науки в его собственное время» [2, с. 192].

В своей статье В. И. Вернадский определяет то место, которое, по его мнению, занимает Кант в истории науки. «Оригинальность его научной работы - пишет В. И. Вернадский, - заключается в том, что он применял одновременно как обобщения Ньютона, так и понятие времени к разнообразным конкретным явлениям природы в области неорганических наук - в астрономии, геологии, физической географии. Он часто и во многом ошибался, но благодаря глубине и силе своего ума он не раз достигал - в крупном и мелком - обобщений, открытий и точек зрения, которые до него не приходили в голову его современникам и из которых многие получили значение, научный - если можно так сказать - смысл только в наше или ближайшее к нам время» [3, с.26]. Ошибки не случайны: по Вернадскому, это методология, это «энергия заблуждения» Л. Н. Толстого и сомнения самого Вернадского. «Сомнение - великая сила, сомнение вызвало и создало то могучее, чудное знание, которое еще так мало доступно большинству человечества, но иной раз оно страшно тяжело ложится на отдельных лиц» [4, с. 60]. Прежде всего, отмечается, что решение этой проблемы связано с выяснением вопроса «об отношении между наукой - точным знанием - и философией». Вернадский утверждает: «теснейшее взаимодействие» этих областей «человеческого духа», их «взаимное - нераз-

дельное - влияние», нашло проявление в деятельности И. Канта. Автор статьи, не соглашаясь с жестким делением жизни Канта на определенные периоды, в то же время отмечает, что расцвету его самостоятельной философской системы предшествовала более чем двадцатилетняя научная деятельность («в жизни Канта был период, когда он был и сам себя называл естествоиспытателем»). И хотя Кант, по мнению Вернадского, жил «в старой литературе XVII века» и находился «в зависимости от захолустного намного центра, в котором протекала его жизнь» («отставание от быстрого роста естествознания сохранилось у него до конца жизни»), без естественнонаучных занятий не сложилась бы концепция его «критической философии». В. И. Вернадский делает вывод: «В этом смысле научная деятельность до известной степени предшествует философской работе, и после крупных философских обобщений, раздвигающих рамки познания или рушащих веками стоящие, научно выработанные, философские обработанные положения, можно ждать проявления философского гения, новых созданий философской мысли, новых течений философии» [2, с. 192].

Сам обладавший острым, оригинальным умом, способным на нестандартные, новаторские подходы к решению естественнонаучных и философских проблем, В. И. Вернадский отмечает такие особенности научных изысканий Канта, как способность достигать «обобщений, открытий и точек зрения, которые ... до него не приходили в голову его современникам и из которых многие получили значение, научный, если можно так сказать, смысл только в наше или ближайшее к нам время» [2, с. 206].

Совершая экскурс в историю науки XVII - XVIII столетий, касаясь сущности и влияния на научную мысль открытий Ньютона, Бюффона и др., Вернадский определяет вклад Канта и характер его научных построений. Особое внимание он обращает на «основное положение» Канта, которое и цитирует: «... в естествознании все должно быть объясняемо естественным образом» [2].

Это утверждение российского ученого сразу же переводит вопрос из плоскости анализа творчества Канта в область общих характеристик научного знания, осмысления путей становления рациональной человеческой мысли. По замечанию Вернадского, Кант «по духу» был чужд ученым-староверам, «по форме» он был ученым-новатором. Оригинальность его научной работы Вернадский видит в том, «что он применял одновременно как обобщение Ньютона, так и понятие времени к разнообразным конкретным явлениям природы в области неорганических наук - в астрономии, геологии, физической географии» [2, с. 132].

Для мыслителя XX века особенно важным представляется то, что философ XVIII века приходил к своим выводам самостоятельно, благодаря глубине и силе своего ума, пусть даже и ошибался, но во многом достигал «открытий и точек зрения, которые до него не приходили».

Не ставя своей целью анализа разбора В. И. Вернадским конкретных естественнонаучных проблем, обратимся к его взглядам относительно философской системы Канта, заключающей, по мнению русского мыслителя, ценности, «по отношению к которым никогда не может быть сказано последнее слово» [2, с. 190].

В. И. Вернадский отмечает, что «горячее и страстное» изучение и обдумывание идей Канта происходит в течение века (напомним: доклад Вернадского был прочитан в 1904 году - А. С.), вызвав появление множества различных сочинений, поэтому «едва ли можно найти в мысли или жизни Канта какой-нибудь закоулочек, который бы остался свободным от предшествовавшей работы исследователей» [2, с. 190].

Но никогда не может утратить своего значения гуманистическая направленность «мысли и жизни Канта», нравственное содержание его философских концепций, то значение, которое имеет «изучение и обдумывание главных работ и хода идей Канта» для молодого поколения философов.

Считая личность высшей ценностью и абсолютной целью, а совершенствование человечества – нравственным императивом, Кант утверждал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением... это звездное небо надо мной и моральный закон во мне...» [7, т. 4, ч. 1, с. 500].

Как и Кант, Вернадский верил, что в основе научной деятельности должно лежать «высокое гуманитарное чувство, уважение к человеческой личности», «чувство взаимной солидарности и тесной связи всех людей» [6, с.290, 291].

Размышляя о научных, философских концепциях, деятельности великих мыслителей – Канта, Ломоносова, великих писателей – Пушкина, Толстого, Достоевского и других, В. И. Вернадский, имя которого можно было бы поставить в этот ряд, утверждал высокое моральное содержание их творчества и всей деятельности. Обращаясь к студентам МГУ, мыслитель ставил вопросы нравственной ответственности ученого: «Куда должны быть направлены усилия нашей воли и нашей мысли для достижения более широких и крупных результатов связи со всей той же гуманитарной задачей научного знания, с работой на пользу человечества, с подъемом человеческой личности? ... Здесь перед нами в разных формах, не совсем, может быть, обычных, - встают вопросы добра и зла, блага и вреда – вопросы этические и общественно-этические. Это вечные вопросы философии» [6, с. 291]. Великий деятель отечественной науки утверждал, что решить эти вопросы можно только путем работы мысли, изучения философии, «созидательной выработки... философских систем». Именно так формируется «своеобразная сильная личность» ученого, полного жизненной энергии, веры «в гуманитарное, человеческие» значение истины, которую он стремится найти.

Такой образ великого ученого видел В. И. Вернадский в личности Канта, влияние философии которого вышло за границы его времени: «философская мысль Канта охватила своим могучим влиянием весь духовный уклад человечества в XIX столетии» [2].

Наиболее глубоко сущность своей научной деятельности охарактеризовал сам Кант: «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу – а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком» [7, т. 2, с. 206].

Статья «Кант и естествознание» не утратила своего значения и сегодня. Мы осветили лишь некоторые аспекты этого труда, завершая который В. И. Вернадский призвал «философскую мысль искать новых путей, как искал и нашел их Кант...»

Источники и литература

1. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988.
2. Вернадский В.И. Кант и естествознание // Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М., 1984.
3. [Вернадский В.И.] О Канте // Вопросы философии и психологии. – № 76. – С.23 – 27.
4. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886 – 1889. – М., 1988.
5. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетарное явление. – М., 1977.
6. Владимир Иванович Вернадский. Материалы к биографии. – М., 1988.
7. Кант И. Сочинения. В 6 т. – М., 1965 – 1966.
8. Научное наследие В. И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. – М., 2001.
9. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. – М., 1981.

Сысоева М. С.

О НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ УСТАНОВКАХ НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Большинство исследователей, задавая возможные характеристики культуры «грядущего», используют префикс "пост-": постиндустриальная, постэкономическая, посттехнократическая и т.п. В этих случаях приставка "пост-" несет значительную смысловую нагрузку, указывая не на некоторый "осадок" уже отработанного состояния, а, наоборот, на нечто радикально новое, касающееся, прежде всего, способа бытия самого человека. Сегодня – в условиях пост-советского нравственного упадка, на фоне утраты "социалистических" (а с ними – и других) ценностей – все ярче проявляется общий кризис контр-традиционной западной цивилизации, описанный еще Рене Геномом и его школой [2]. Поэтому очевидной становится необходимость обращения к фундаментальным ценностям, которые, на наш взгляд, «просматриваются» в неоязычестве.

Чтобы определить место и роль древнего верования (естественным образом «почившего», но снова «оживленного» в новейшем глобальном обществе), формы его проявления в украинском духовном пространстве, требуется, с нашей точки зрения, проанализировать основные направления развития неоязычества с целью очерчивания их базовых установок. Существует ряд причин возникновения неоязычества, среди которых отметим следующие: активный поиск национальной самоидентичности и идеологии; восстановление этнического самосознания (при этом участие в деятельности языческих общин иногда позиционируется как форма противостояния официальной власти); стремление преодолеть ряд негативных тенденций в развитии общества (урбанизация, нездоровый образ жизни в мегаполисе, отчуждение от природы и т.д.); сокращение геополитического пространства этноса и угроза биологической деградации; культурная экспансия других государств, влияние в частности, на рыночные отношения, либерально-буржуазных ценностей (например, индивидуализма); возрастающее воздействие восточных национальных и религиозных цивилизационных традиций (индуизма различных модификаций, буддизма, шаманизма) и другие.

Исторически небесспорных письменных источников, подробно освещающих дохристианские культы на территории Украины, не сохранилось, поэтому неоязыческие доктрины строятся на различных религиозно-философских и мистических учениях, фольклористике и собственных выводах. Наиболее весомым вкладом в формирование языческого мировоззрения у славянских народов стало издание «Велесовой книги» («Влесовой»), не признаваемой официальной наукой. Данный источник, как пишет А.Асов, "является переводом священных текстов новгородских волхвов VIII-IX вв. н.э., <...> в котором отражены вера и история многих народов Евразии с XX тысячелетия до нашей эры по IX век нашей эры" [4, с. 137]. «Велесова книга» была обнаружена в 1919 г. офицером белой армии Ф. А. Изенбеком в виде нескольких десятков скрепленных между собой деревянных дощечек с надписями, напоминающими рунические. находка была увезена в Брюссель, где ее начал расшифровывать и копировать Ю. П. Миролюбов, но во время изготовленные вручную копии, выполненные Ю. П. Миролюбовым и опубликованные им в середине 1950-х гг. в журнале "Жар-птица" в Сан-Франциско. Он и положил начало изучению «Велесовой книги». Неоязычники испытывают понятную «недостачу» священных текстов. Однако старший научный сотрудник Отдела всемирной истории Русского Физического общества Геннадий Гриневич изрядно «пополнил» количество исторических и религиозно-философских артефактов, «достойных поклонения»: Тэртерийские таблички, Фестский диск, крито-микенские и этрусские надписи, североиндийские печати Харалпы, германские и тюркские рунические памятники – все это Гриневич успешно "читает" как древнеславянские тексты, написанные слоговым письмом [3, с. 116-117, 214].

Будучи универсальной «философией», язычество остается при этом явлением, корнями уходящим в этническую самоидентичность. Это «традиция», проявляющаяся через «совокупность обычаев» каждого народа, изложенная понятным и характерным для него языком, учитывающая специфику мировосприятия.

Рассмотрим ценностные ориентиры неоязычества. Как пишут сами члены групп, в основе их верования лежат: дохристианские обряды и волхование славян; духовные и нравственные воззрения и практика предков; естественнонаучные знания о Земле, так как материальный мир сам по себе является одухотворенным и магическим, наделенным священными свойствами, к которым относятся и «Законы Природы».

Поклонение сводится к следующим основным категориям: боги предков-славян (Род, Дажьбог, Сварог, Перун, Макош, Велес, Лад и другие); явления природы, этические законы; предки кровные; творческий разум и творческий дух.

В идеологии наиболее важна система целей-ценностей неоязычества, определяемая формулой "Приро-